

АРХАНГЕЛ- ХРАНИТЕЛЬНИЦА

Комм. правда. - 1994. - 25 нояб. - с. 5

Накануне 100-летия у Ксении Гемп одна забота - издать "Поморский словарь", который она собирала всю жизнь

Еду в Архангельск с заранее обреченной затеей - написать о Ксении Петровне Гемп: ей 18 декабря исполнится сто лет. О Гемп? Сдай билет, верни в кассу командировочные - разве можно о ней написать? Может, о том, что дружна была с полярниками Георгием Седовым и Владимиром Русановым? Или о том, как из беломорских водорослей она избрала некий вполне съедобный продукт, который спас жизнь сотням блокадников? А может, о том, как преклонялся перед нею Федор Абрамов? Или об уникальном "Поморском словаре", который собирала всю жизнь и теперь не может издать - это ж не "Анжелика", не "Рабыня Изаура"...

В этом доме никогда не спрашивали гостя, кто он и зачем пришел. На ежедневных "вечерах у Ксении" перебивало пол-Архангельска - в то время, когда партийные церберы загоняли народ в лекционные залы чуть не силой, попасть на эти литературно-краеведческие посиделки считалось большой удачей. А еще - верница ученых, журналистов, киношников. И однажды, когда пожаловал очередной посетитель...

- Когда он вошел, я предложила ему чаю и пирог с треской, - с улыбкой вспоминает Ксения Петровна. - Я так и не узнала его намерений - подкрепившись, он заторопился прочь. А назавтра явился вполнощный начальник милиции и сообщил, что то был опасный преступник, убийца, который сбежал из тюремной больницы.

В памяти у меня выплыла фигура Жана Вальжана - он тоже, кажется, не рискнул поднять руку на святого человека...

Приезжаю в Архангельск, стороной, у знакомых выведываю, как там Ксения Петровна, сто лет все-таки, не шутка. "Знаешь, с прошлой зимы ее не видела - как раз на 99-летие, было, решила ее поздравить". "Да, - отвеча-

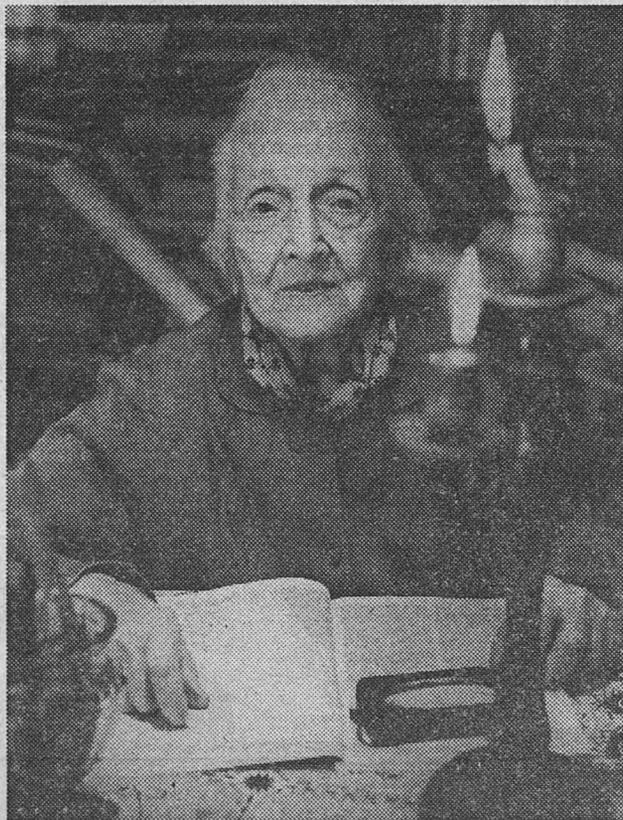
ет, - меня можно поздравить - я избавилась от катаракты". Как, что, неужели операция, в вашем-то возрасте! Оказывается, никакой операции - вылечилась сама, по собственному рецепту... черникой.

Удивительный край - Беломорье. Голые каменные острова, скудный лес по топким берегам, "девять месяцев зима, остальное - лето". Но природа и тут отпустила человеку полной мерой - и харч, и строительный материал, и те же лекарства. Тайну чудо-ягоды черники офтальмологам еще предстоит разгадать. (Кстати, известен недавний случай, когда группа канадцев блуждала в тайге две недели и питалась только черникой - все, кто страдал близорукостью, оставили болезнь в лесу). Но еще больше целебных тайн сокрыто в морских водорослях. Была такая трогательная история. Однажды в гости к Гемп нагрянула одна озабоченная дама, переживающая очередную молодость: "Я влюблена, хочу выйти замуж (в пятый раз, как выяснилось потом), но у меня совсем лысая голова. Не знаете ли какого-нибудь средства?" Средство нашлось, это была морская трава фукус. Через несколь-

Всю жизнь Ксения Петровна записывала на Беломорье сказы, былины, устные предания - память осталась о Петре Великом, о неистовом Аввакуме, Ломоносове. О Ленине - ни строчки.

ко месяцев соискательница семейного счастья явилась к Ксении Петровне с букетом, новым мужем и копной волос на неумной голове.

Знаете, когда наша героиня отправилась в свою последнюю научную экспедицию? В 78 лет. "Недавно пересчитала - вышло, что я в 184 поморских деревнях была". Любовь эта - с 1903 го-

За свою жизнь она побывала в 184 поморских деревнях.

да, когда восьмилетняя девочка узнала мир, населенный отважными мореходами, зверобоями и рыбаками. А дальше, когда подросла, бесчисленные экспедиции - к Соловкам, на Зимний и Терский берега, к Соробе и

Кандалакше. Что в ее изысканиях ценнее - исследования ли подводного мира, повалок Белого моря, его ветров и течений, а может, историческая, этнографическая сторона или вот это медицинское знание, по черниному? У знахарей и монахов?

- А вы знаете, почему самый большой на Соловках

колокол назывался "Борисовичем"? Он отлит из меди и олова, пожертвованных Борисом Годуновым. Триста двадцать лет служил монастырю, трижды его переливали, а в 1923 году повезли в последний путь, на переплавку. Погрузили на баржу, потащили буксиром. А он дно у баржи проломил, ушел в глубь морскую. Искали потом - нет, не открылся он супостатам, которые соловецкую обитель разорили.

...Федор Абрамов боготворил Гемп и звал "ходячей энциклопедией Беломорья". Как-то ехал из Ленинграда на Пинегу, зашел к ней в гости. Много говорили о литературе, о великой поморской любви к Слову. Вдруг выяснилось: Абрамов не читал "Житие протопопа Аввакума". Ксения Петровна молча достала дореволюционное, с "ятями" издание и протянула писателю. Через несколько дней глубокой ночью в ее квартире на набережной трезвонил теле-

фон. "Кто звонит и зачем?" - сурово вопрошала Гемп. "Это я, Федор, с Пинеги". "Какой еще Федор с Пинеги, что за хулиганство?" - Абрамов. Ксения Петровна, только что дочитал "Житие". Места себе найти не могу - такая сила. Спасибо вам..."

Двенадцать встреч у них было. В свой последний приезд на родину он попросил работников "зеленого хозяйства", чтоб в дом на набережной регулярно приносили свежий букет...

Впрочем, какими бы теплыми ни были отношения с близкими людьми, церемонный Гемп не признает. Как-то, оказавшись в гостях у Абрамова, она дала ему вы-

В свой последний приезд на родину Абрамов попросил работников "зеленого хозяйства", чтоб в дом на набережной регулярно приносили свежий букет...

волочку за то, что превратил ленинградскую квартиру в музей этнографии, - доставил Федору Александровичу за расписные лапти и тусеса. А уж власть архангельскую она не жаловала никогда. - Пригласили в горисполком по случаю дня города. Вот, говорят, из захлавленного деревенного городишки советская власть превратила Архангельск в город-красавец. А я им: "Давайте подарю вам альбом начала века - смотрите, какой был город тогда, учиться строить у предков". Они в ответ: "Спасибо, потом как-нибудь заедем за альбомом". "Нет, сейчас". Послали машину, привезли - альбом весом килограммов восемь, роскошные фотографии, обложка из нерповой шкуры. "Пусть всегда на виду будет, чтоб любой мог полистать. А узнаю, что в сейфе спрятан, - заберу".

...Город на Двине покорила ее, шестилетнюю девочку, навсегда. Отца, Петра Герардовича Минейко, правительству направило руководить перестройкой архангельского порта. "В Петербурге, прежде чем вывести гулять, нас долго одевали - шляпки, бантики, ботиноч-

ки. А тут - полная свобода: горка во дворе, качели, в двух шагах река. И этой свободой, вольницей была заполнена вся здешняя жизнь - и детская, и взрослая".

Угрюмая ленинская фраза: "К северу от Вологды... царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость" приводит Ксению Петровну в ярость. И не потому, что в доме ее отца было "пятнадцать кроватей и двадцать два книжных шкафа, а иконы заменяли портреты Ломоносова и Пушкина", отец - петербургский интеллигент. Видно, не знал вождь статистики: грамотность в Архангельской губернии в начале века среди мужчин составляла 89 процентов, а среди женщин почти 60, процент же среднероссийской грамотности застрял тогда где-то у цифры 30. Не ведал Владимир Ильич, что задолго до того, как он познал в гимназии латынь и французский, архангельские поморы ходили "в Норвегу" и свободно изъяснялись с аглицкими и скандинавскими торговцами...

Наверное, потому и заплатил народ Ильичу той же монетой. Всю жизнь Ксения Петровна записывала на Беломорье сказы, былины, устные предания - память осталась о Петре Великом, о неистовом Аввакуме, Ломо-

носове. О Ленине - ни строчки. "Как-то меня Сапожников, секретарь обкома, спросил, как поморы о вожде отзываются. Говорю: "Не важно. Землю крестьяне отдали? Так она, отвечают, и так от века наша была - мы ее у леса отвоёвали, кровью и потом удобрили и никаких захребетников над собой не терпели".

"Полудикость и самая настоящая дикость" обрушилась на Поморье, увы, из образованных столиц. Ксения Петровна доселе с содроганием вспоминает, как гзпэушники грабили соловецкую обитель. Где, в каких краях теперь те богатства - наверное, и сама Лубянка уже не найдет воровских реестров. Но самое главное богатство - душу Севера - вытрясти, к счастью, не удалось никому. "Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера", - писал академик Лихачев в предисловии к книге Гемп. И низко кланялся Ксении Петровне за преданное служение этому краю, "самому русскому" во всей России.

Валентин КАРКАВЦЕВ.